

С. А. Андреев

Воспоминания о концлагерях

С. А. Андреев

Воспоминания о концлагерях

«Издательские решения»

Андреев С. А.

Воспоминания о концлагерях / С. А. Андреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902835-8

Воспоминания ныне покойного участника Великой Отечественной войны, жителя деревни Барсаново Опочецкого района Псковской области Савелия Андреевича Андреева (1923–2002) повествуют о пережитом им в фашистских концлагерях в 1944 году. Мемуары предваряет предисловие, написанное дочерью автора, Любовью Савельевной Ореховой (Андреевой), подготовившей к изданию текст воспоминаний. Живой и непосредственный рассказ С. А. Андреева адресован самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-902835-8

© Андреев С. А.
© Издательские решения

Воспоминания о концлагерях

С. А. Андреев

© С. А. Андреев, 2018

ISBN 978-5-4490-2835-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воспоминания ныне покойного участника Великой Отечественной войны, жителя деревни Барсаново Опочецкого района Псковской области Савелия Андреевича Андреева (1923—2002) повествуют о пережитом им в фашистских концлагерях в 1944 году. Мемуары предваряет предисловие, написанное дочерью автора, – Любовью Савельевной Ореховой (Андреевой), подготовившей к изданию текст воспоминаний. Живой и непосредственный рассказ С. А. Андреева адресован самому широкому кругу читателей и будет интересен как школьникам и студентам, так и людям зрелого возраста, в том числе краеведам и любителям истории.

© Орехова Л. С., наследник, 2015

© Псковский областной институт
повышения квалификации
работников образования, 2015

Предисловие

Савелий Андреевич Андреев, мой отец, родился 1 февраля 1923 года в деревне Барсаново, находящейся недалеко от Опочки. В первый класс пошел в Барсановскую начальную школу. Вот что он писал о том времени: «Наступила осень, начались заморозки. Лужи затянулись ледком. Обуть мне было нечего, и в школу я бегал босиком. Ноги мерзли. Время от времени я снимал шапку и грел ступни в ней. Затем бежал дальше. В школе тоже было холодно, и я, чтобы согреть ноги, подбирал их на скамью и садился на них. Потом брат моей матери дядя Мишка сплел мне веревочные лапти (их в деревне называли «коты»)). В 1941 году Савелий Андреевич окончил Опочецкую среднюю школу №1. До Великой Отечественной войны автобусы из Барсанова в Опочку не ходили, автомобилей и велосипедов в деревне не было. Поэтому деревенские дети добирались до городской школы пешком, преодолевая около девяти километров в одну только сторону. Учебные занятия шли в две смены. Вторая начиналась в 14.30, заканчивалась в 20.30. Возвращаться домой школьникам приходилось ночью. Профессиональное образование мой отец получил уже после Великой Отечественной войны в Ленинградском механическом техникуме железнодорожного транспорта, на паровозном отделении. Работать его направили в Великие Луки, в паровозное депо. Сначала жил в общежитии, потом ему дали квартиру на Торопецком шоссе, в доме №84. О своей первой работе Савелий Андреевич рассказывал: «Начал помощником машиниста. В поездке за одни сутки перебрасывал в топку паровоза по 17 тонн угля». Позднее по призыву компартии и советского правительства (1955 — 1957 гг.) Савелий Андреевич в числе других тридцатитысячников отправился в деревню, поднимать сельское хозяйство. Теперь местом его работы стали машинно-тракторные станции (МТС). Впоследствии он трудился слесарем в Опочецком отделении Псковского завода АТС, работал и на других предприятиях. Всего же его трудовой стаж составил 40 лет, и пенсию он заработал по тому времени немаленькую – 120 рублей. Но все послевоенные годы над отцом висела черная тень пережитого во время Великой Отечественной войны. Он очень любил меня

(называл ласково «партизаночкой») и моего старшего брата Андрея, позаботился о том, чтобы мы окончили музыкальную школу в Опочке и получили затем высшее образование. Но благополучной нашу жизнь с ним назвать никак нельзя. Зрелище бесчисленных смертей, целый ряд пройденных им страшных фашистских конц-лагерей, мучительный голод, непосильный труд, издевательства, физические муки – все это самым негативным образом сказалось на его психике. С ним было очень трудно, в последние годы его жизни – особенно. Он практически никому не доверял и очень боялся голода, как многие и многие из тех, кто пережил минувшую войну. Покупал в автолавке по пятнадцать буханок хлеба в неделю – и большая часть его, конечно же, портилась, и хлеб приходилось выбрасывать. Однако для своих друзей-партизан Савелий Андреевич никогда ничего не жалел. Это были для отца самые дорогие гости. Они приезжали к нам недели на две, мать варила для них в русской печи щи, тушила картошку и тому подобное. Отца гости называли «батькой», хотя он был их ровесник. За столом бывшие партизаны пели русские народные песни, очень часто – советскую патриотическую со словами «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина...». Эти же слова – «За Родину! За Сталина! Перебежками вперед!» – отец нередко кричал во весь голос во сне по ночам и будил весь дом. По-видимому, ему снилась тогда война, виделись те страшные концлагеря, через которые он прошел не сломленным, не предавшим свою страну и свой народ. О пережитом отец нередко рассказывал моим сыновьям, своим внукам. И это помогло им вырасти настоящими патриотами. Мои старшие сыновья – Михаил, Владимир и Александр Ореховы – от службы в армии не уклонились. Сейчас готовится служить самый младший – Андрей. Хочу здесь еще сказать, что мой второй сын Владимир трижды участвовал в традиционном параде в День Победы в Москве на Красной площади, а его младший брат Александр был участником праздничного майского парада в городе-герое Анапе. Один из ближайших друзей отца – Леша Рожок (Алексей Тимофеевич Петров) – после окончания войны поселился на Украине, поскольку фашисты не только расстреляли его семью за то, что он ушел в партизаны, но и сожгли дом, так что возвращаться в Бабенцы ему было не к кому и некуда. Там, на Украине, Алексей Тимофеевич и умер – скоропостижно, в результате несчастного случая. И отец отвез туда на его могилу горсть земли с пепелища Лёшиного дома.

За уход сына в партизаны немцы отправили в концлагерь сестру и мать Виналия Вавиловича Константинова из Люцкова. Виктор Семенович Любимов, чтобы спасти родных от расправы, забрал их в партизанский отряд, и его мать, женщина уже немолодая, там умерла – жить в холодных и сырых землянках было тяжело. Хочу попутно добавить, что Великая Отечественная война унесла и жизнь моего родного деда по матери – Григория Васильевича Рыбкина. Он был призван в Красную Армию в 1944 году, во «второй фронт», и погиб под Будапештом. 4 ноября 2001 года в четыре часа утра в Барсанове сгорел дом отца (тогда он был уже вдов, моя мать, Антонина Григорьевна, умерла в 1999 году). Многое при пожаре погибло, огонь уничтожил практически все старые фотографии. Скончался Савелий Андреевич Андреев 21 мая 2002 года, похоронен на кладбище деревни Серово (Варьгинская волость). Любовь ОРЕХОВА (АНДРЕЕВА).

Начало войны. Неудавшиеся эвакуация.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Пользуясь внезапностью нападения на Советский Союз, фашисты продвигались вперед очень быстро. В июле, числа 11—12-го, они заняли деревню Барсаново. На хуторе Костричино, недалеко от Барсанова, был выставлен заслон из шестидесяти красноармейцев и сержантов, чтобы задержать немцев под Опочкой и дать возможность организованно отступить нашим войскам из райцентра. Красноармейцы стояли насмерть против превосходящих сил противника. Двое суток они держали оборону у хутора Костричино, не пропуская немцев в Опочку. Из шестидесяти человек в живых осталось всего тринадцать. Остальные погибли и похоронены в Костричине, где сей-

час проходит высоковольтная линия. Немецкие танки подошли к Барсанову вечером, но сходу им было не проскочить в Опочку, так как мост через Иссу взорвали наши саперы. Берег реки со стороны деревни был спущен населением, образовался противотанковый ров. Таким образом, по красногородской дороге фашистам было в Опочку не пройти. В ярости они обстреляли Барсаново, сожгли пять домов и отошли. Через Иссу они переправились где-то выше и пошли в наступление по мозулевской дороге. Когда взорвали мост, жители деревни стали уезжать – кто в лес за Ключино, а кто сделал попытку добраться до советского тыла. Возглавлял отъезд председатель колхоза «Новое Барсаново» Иван Матвеевич Матвеев. Мы с матерью тоже решили двинуться в тыл наших войск, но уехать далеко нам не удалось, поскольку немцы догнали нас в деревне Бабинино, по шоссе на Пустошку. Мы намеревались добраться до железнодорожной станции в Пустошке и эвакуироваться. Мужики считали, что через Опочку мало ходит поездов, отсюда не уедешь, поэтому и решили отправиться в Пустошку, где поездов ходило больше. От Опочечкого райкома партии и от райисполкома в те дни не поступило абсолютно никаких указаний о том, куда и где отступать в советский тыл. Люди не знали, что делать. Я уже закончил 10 классов Опочечкой школы №1, и меня должны были призвать на военную службу осенью 1941-го, как и всех ребят 1923-го и 1922 годов рождения (у кого была отсрочка). Я очень хотел пойти в военное училище. Был на приписке в мае 1941 года. Знал, что меня направят в училище морской авиации. Я сам подстригся в парикмахерской наголо под машинку. В то время так стригли наших солдат. Мать купила в магазине ткань цвета военного обмундирования, и по моей просьбе мне сшили штаны-галифе, как их тогда называли (подобные носили в Красной Армии). И вот в лесу у деревни Бабинино мы узнали, что немцы уже обогнали нас, и решили возвращаться домой, в Барсаново. Вскоре после того, как мы вышли из леса на пустошкинское шоссе, мы увидели немецких солдат. Увидев мои галифе защитного цвета, они подозвали меня к себе от телеги, за которой я шел. Сняв мою фуражку, увидели, что я острижен, как русский солдат. Стали меня обыскивать и в нагрудном кармане нашли русско-немецкий словарь на 10000 слов, которым я пользовался в школе, где мы учили немецкий язык. Немцы заговорили между собою: я-де красноармеец. Спасибо, деревенские мужики по просьбе матери остались со мной и объяснили немцам, что я не солдат. Тогда один из них, показав на свою грудь, сказал: «Чехословак!», и растолковал мне, чтобы я сменил галифе. Мне повезло, что я попал к чехословакам – они относились к русским иначе, чем немцы. Словарь мой чехи взяли с собою, а меня отпустили.

Подпольщик спецгруппы «Борей».

Все мы вернулись обратно в Барсаново. Нас, комсомольцев, было здесь тогда 25 человек. Фашистам нас никто не выдал. Народ у нас был дружный и хороший. Немецкие оккупационные власти выдавали всем жителям удостоверения личности, а комсомольцам обычно – так называемые «безондер аусвейс», то есть особые удостоверения. Вблизи Барсанова не было партизан. На мосту через Иссу стояла охрана. Позднее в Барсановской школе расположились немцы. Вместе с немцами служили перешедшие к ним армяне, а позднее там появились еще таджики, узбеки, туркмены и казахи. Они объединялись в так называемую «Среднеазиатскую армию»: носили немецкую форму и знаки отличия на рукаве – желтое кольцо и что-то еще, уже не помню. Армяне и азербайджанцы служили немцам честно и ладили между собой. Они вместе с немцами ездили в Себежский район в карательную экспедицию против партизан. Возвращались в Барсаново с награбленными вещами и в Больших Рогатках, Волкове и других деревнях пропивали награбленное, меняли его на самогон. После них стояли в школе и в Барсанове латыши, они тоже верой и правдой служили фашистам. Немцы и их готовили к карательным операциям против партизан, но осуществить свои намерения немцам не удалось. Эти планы были сорваны мною. Это было очень опасное для меня задание. Вот с чего всё началось. Ко мне любили ходить ребята не только из Барсанова, но и из других деревень – как до войны, так и во время неё. Нас, желающих уйти в партизаны, набралось восемь человек. Это были

всё мои друзья. Собирались у меня в доме, а когда темнело, уходили в сарай и там проводили свои собрания: составляли планы о том, как подключиться к борьбе против фашистов. Ведь не так просто было уйти к партизанам из наших деревень вблизи Опочки. Партизанские базы располагались в лесах, вдали от райцентра. И если бы кто ушел к партизанам – немцы за это уничтожали семьи. Там, где стояли партизаны, было проще – мобилизовали, и все. Нас было восемь друзей, а именно: Алексей Тимофеевич Петров, 1922 года рождения, из деревни Белоусы (местные жители звали его Леша Рожок. Я с ним учился в школе, начиная с первого класса в Барсанове; вместе мы закончили школу №1 в июне 1941 года); Алексей Петрович Егоров из деревни Бабенцы, 1923 года рождения (начальную школу закончил на хуторе Жилино, а среднюю школу №1 – вместе с нами); из деревни Бабенцы с нами дружил Виктор Семенович Любимов, 1926 года рождения, помоложе нас, но был особенно активным товарищем – секретарем комсомольской организации в колхозе «Ленинский», куда входили Белоусы и Бабенцы (до войны); Михаил Васильевич Иванов, 1923 года рождения, из деревни Бабенцы, также был нашим единомышленником и надежным другом в любой обстановке; Дмитрий Константинович Константинов из деревни Маслово и Василий Федорович Леонов из деревни Большие Рогатки тоже были нашими друзьями. И восьмым был я – Савелий Андреевич Андреев. И вот Леше Рожку удалось установить знакомство с Константином Дмитриевичем Чугуновым, присланным из Москвы советским командованием в нашу местность для организации и проведения разведки в глубоком тылу у фашистов и передачи необходимых сведений руководству Красной Армии. Вместе с ним прислали еще несколько человек.

Все мои друзья, перечисленные выше, ещё не проходили военной службы в армии, но горели желанием вступить в борьбу с немцами. Леша Рожок доложил Чугунову о нашей группе, о том, что у нас у каждого имеются оружие, патроны и гранаты. Чугунов некоторое время скрыто следил за нами (как выяснилось позже), чтобы убедиться в нашей искренней преданности Родине. И вот на одном из собраний в моем сарае Леша Рожок сообщил о том, что он познакомился с Чугуновым и рассказал ему обо всех нас. Вскоре Чугунов ответил, что согласен взять нас в свою спецгруппу. Она называлась «Борец». На собрании в сарае было решено, что при уходе надо изобразить, что нас якобы взяли насильно, чтобы не пострадали наши семьи от фашистских карателей. Решено было собрать гулянку в деревне Большие Рогатки в доме Павла Матвеевича. До войны мы, молодежь, очень любили повеселиться. С друзьями мы никогда не ссорились, пели, играли, плясали. Особенно хорошо плясали Анатолий Иванович Иванов с хутора Жилино (Толя Жилинский) и Лёша Рожок. Вокруг них на гулянках всегда собиралась толпа народу. А на гармони очень хорошо играл Михаил Васильевич Иванов из деревни Бабенцы. Он на лету схватывал любую мелодию, услышанную по радио. И вот на гулянку в дом Матвеева должны были придти мы, все восемь человек, а оружие предполагалось спрятать недалеко от деревни, в кустах. Это было осенью 1942 года. За нами на гулянку должен был подъехать сам Чугунов с группой своих товарищей. Мы ждали долго, а Чугунов все не появлялся. Пришлось нам вернуться домой со своим оружием. Это был большой риск. Ведь только за хранение оружия немцы расстреливали на месте. Как выяснилось позже, Константин Дмитриевич Чугунов был ранен в ногу у деревни Лиственка, что примерно в 30-ти километрах от Барсанова, и за нами приехать не мог. Спецгруппа «Борец» была партизанская, но она не входила в подчинение штабу партизанского движения, а подчинялась разведотделу Калининского фронта (Северо-западного и 2-го Прибалтийского поочередно). Это была военная разведка. Нам пришлось ждать, пока Чугунов поправится от ранения. И вот в декабре 1942 года в моем сарае состоялось наше последнее собрание. Леша Рожок у нас был за старшего. Все переговоры с Чугуновым проводил он. На этом собрании Леша Рожок доложил нам о том, что гулянка будет организована в деревне Клюкино у Марьи

Николаевны на Новый, 1943-й, год. Меня Чугунов приказал оставить в Барсанове подпольщиком, так как, по словам Леша Рожка, надежнее меня никого нет. Мне в помощь дали

Анну Петровну Иванову из Барсанова. Первым нашим заданием было сходить в деревню Трубичино на берег реки, где стоял сарай, там мы с Аней должны были дожидаться чугуновцев, которые поедут на лошадях, и привести их на место гулянки в деревню Клюкино через Белоусы по льду. Нам был дан пароль. В нашем доме жила учительница – Клавдия Александровна Земченко, с семьей, но так как латыши в это время уехали из Барсанова, учительская семья переселилась в школу. Все это благоприятствовало нам с Аней выполнить задание совершенно незаметно. Только у моста стояла охрана, полицаи и немцы. Дом, где размещались охранники, был закопан в землю и превращен в бункер, а в самой деревне не было никого из фашистов. Это задание мы с Аней выполнили успешно. Мои друзья добровольно ушли в партизаны в ночь на Новый, 1943-й, год, а разговоры ходили везде, что их взяли насильно. Это и нужно было, чтобы не пострадали семьи ушедших. Мне поручалось следить за движением автомобилей со стороны Латвии, Красногородска, узнавать перевозимый груз, записывать номерные знаки машин. Анну Петровну вскоре арестовали и отправили в Германию. Я остался один. Мне стало опаснее выполнять задания. В деревню снова поселили солдат «Среднеазиатской армии», их расквартировали по домам жителей Барсанова. Немцы в основном жили в школе. Командовал всей этой сворой пожилой немец-гауптман (капитан). Мне было дано задание узнать численный состав и вооружение охраны моста, которая жила в закопанном в землю доме (бункере). Я подговорил Васю Воронцова (его отец в то время был старостой деревни), и мы с Васей ходили пилить дрова для обогрева бункера. Я надеялся, что нас пустят в бункер «погреться» и я там разгляжу, что мне нужно. Но полицаи и немцы в бункер нас не пускали. Однако вскоре подвернулся удобный случай. В наш дом постучались и зашли люди, одетые в новенькую советскую военную форму, вооруженные советскими винтовками. Это было ночью, лунной и светлой. Один из этих людей, с конопатым лицом, пригласил меня за стол и стал уговаривать работать «на партизан», давал даже пистолет, говорил о том, что их разбили под Люцковом, а Лёша Рожок дал им адреса, где можно укрыться. Ведь как тупо было придумано! Люцково находится на опушке леса, а прятаться они пришли в Барсаново, где на мосту стоит охрана. Я сразу понял, что это провокаторы, т.е. полицаи, переодетые в советскую военную форму, и они хотят меня одурачить. Мороз был крепкий, и один из провокаторов замёрз на улице и стал стучать в окно. На ходу угрожая мне, они пошли на улицу. Я вышел в сени (троестен), окно там было забито досками. В щель я хорошо видел полицая Сашку Соколова из деревни Черногузово. Он стоял на мосту в охране. И мне стало окончательно ясно, что это провокаторы. О появлении партизан было всем приказано сообщать в охрану моста. Если кто не сообщит, тому расстрел. Вот я и решил этим воспользоваться, чтобы проникнуть в бункер и выполнить задание К.Д.Чугунова и Лёши Рожка. Рожок стал у Чугунова начальником службы спецгруппы. Накинув на себя полушубок, надев шапку и сунув ноги в валенки, но прямо в кальсонах, я побежал к мосту в этот бункер. А вся свора провокаторов пошла в деревню, в сторону Белоусов. На мосту стоял полицай Сашка из Огурцова (я их всех знал в лицо). Он пропустил меня в бункер. Немец слушал меня, я говорил только по-русски, полицай переводил ему. Немец сказал: «Гут, гут, камрад» – хорошо, хорошо, товарищ. Налил мне стопку водки. Я выпил, и меня уложили спать за перегородкой у дверного проёма (дверей не было). Мне было видно всё оружие, висевшее на стене, в том числе два ручных пулемёта (о чём Чугунов особенно просил узнать). Вскоре после того, как я улёгся спать (я не спал, а лежал и храпел), в этот же бункер вошли все те провокаторы, которые приходили в наш дом. Через несколько дней К. Д. Чугунов знал численный состав охраны и их вооружение. Лёша Рожок посмеялся над тем, как меня немец угощал водкой, и сказал: «Есть за что угощать». Где-то летом 1943 года в Барсановской школе разместили солдат «Среднеазиатской армии» и немцев. Этих нацменов из числа советских военнопленных, перешедших на службу к немцам, готовили для карательных экспедиций против партизан. Их было два взвода. В нашем доме поселились три таких солдата. Постепенно я начал находить с ними общий язык. Однажды я им сказал: «А что вы скажете,

когда придут наши? Ведь вас будут судить как изменников Родины». Они стали говорить, что хотят уйти к партизанам, но не знают, где их найти. Я им предложил встречу на хуторе Слободка. Встреча состоялась. С их помощью я стал набирать всё больше солдат, желающих уйти к партизанам. Вместе с ними хотел уйти и я. Примерно во второй половине августа 1943 года приехал в Барсаново в качестве инструктора «по истреблению партизан», как он выражался, старший лейтенант (по-ихнему обер-лейтенант) Анатолий Каминский, награждённый немецким крестом как раз за «истребление партизан». О его прибытии в Барсаново я немедленно сообщил в спецгруппу «Борец» через И. Ф. Фёдорова из Клюкина и описал его внешность. Позднее этот немецкий шпион сумел проникнуть в спецгруппу, но К.Д. Чугунов уже всё о нём знал. И этот инструктор «по истреблению партизан» был расстрелян по приказу Чугунова. Однажды мне принесла письмо Нина Денисенко, проживавшая в деревне Люцково, сказала, что письмо от чугуновцев, а сами они ушли в Белоруссию. И действительно, они тогда уже были там. Письмо агитировало солдат «Среднеазиатской армии» быстрее переходить на сторону партизан. Я это письмо от Денисенко взял, прочитал солдатам, что жили в нашем доме, и сжёг его в чугунке. Позже выяснилось, что это письмо было написано не чугуновцами, а немцами, Н. Денисенко была ими завербована. Деревню нашу окружили фашисты, вокруг установили пулемёты. Между наших лип в огороде тоже стоял пулемёт и было десятка два немцев, и так повсюду. Солдат, которые хотели перейти к партизанам, разоружили и отправили по другим деревням, где они стали работать на немцев под охраной. А вскоре и меня арестовали, а именно – 17 декабря 1943 года, примерно часов в 5 утра. Я не успел встретиться с чугуновцами. За мною пришли пять человек – немцы и власовцы. Моя кровать стояла за занавеской, я спал... и вдруг почувствовал, как что-то холодное упёрлось в грудь. Это немец наставил в упор в грудь автомат и спросил: «Андреев Савелий?» Я увидел на груди у немца светящуюся зеленоватыми буквами бляху с надписью на немецком языке: «Полевая жандармерия». Мать собрала мне мешок, куда положила хлеба и полоску шпика. У нас с матерью были одни валенки на двоих, и я решил их не надевать, так как думал, что меня все равно расстреляют. Резиновые сапоги были отданы Леониду, заклеить, и я попросил немцев, чтобы мать сходила за ними. Немец уперся в спину матери дулом автомата и повел ее за сапогами. Принесли незаклеенные сапоги, я их обул на ноги. Одевался я на глазах у немцев, и поэтому они не обыскали карманы, а просто провели руками поверху, и все. А в потайном кармане пиджака лежал небольшой портрет И. В. Сталина, завернутый в белую бумагу. Я забыл об этом портрете – он был величиной с лист в отрывном настенном календаре. И так, с этим портретом в кармане, я был вызван на допрос в гестапо в Опочке. Меня там крепко били и заставляли признаться в получении письма, которое мне принесла Денисенко. Требовали сказать, кому я его передал. Тут я сообразил, что надо только отпираться от этого письма, что я и делал, несмотря на зверские избиения. Пугали меня и по-другому: приставляли пистолет под челюсть у горла и говорили: «Считаем до пяти, не признаешься – офицер убьёт тебя». Это говорил переводчик. Потом вели счет до трех, но я всё отрицал. Я знал, что в случае признания непременно буду расстрелян, а не признаюсь, то, может быть, и уцелею. Вот так я и остался жив.

В Опочецком концлагере.

В первых числах января 1944 года из гестапо меня перевезли в Опочецкий концлагерь. Это был местный концлагерь, где фашисты ещё не успели продемонстрировать в полной мере своё варварство и зверство по отношению к советским людям. Опочецкий лагерь не имел вышек для охраны – таких, как, например, в Штуттгофе. Его охраняли в основном наземные посты из немцев и полицаев; он был огорожен досками и колючей проволокой. Я находился в общей камере, располагавшейся примерно в середине каменного здания. В камере было около 50 человек, в том числе – много моих земляков из деревень Люцково, Белоусы, Бабенцы и других. Были в нашей камере и люди из Опочки, а также военнопленные. Их отправляли в лагерь за разные дела, но большей частью – за побеги. Кормили нас супом с картофелем,

щами со свеклою, конечно, безо всяких жиров и мяса. Однако это, можно сказать, были деликатесы по сравнению с тем, что меня ждало впереди. В Опочецком концлагере разрешались продуктовые передачи. Передача предварительно тщательно проверялась, и только потом ее получал тот, кому она была адресована. В нашу камеру немцы поместили троих военнопленных, пытавшихся уйти к партизанам. Одного из них звали Ваня Поздняков, он был артистом из хора Пятницкого. До сих пор помню его внешность: выше среднего роста, стройный, лицо покрыто мелкими веснушками, пальцы рук – тонкие, ладонь узкая, то есть явно Ваня был выходцем из интеллигентной семьи. Он не мог стоять спокойно на одном месте, всё время поворачивался, приплясывал и тихо про себя что-то напевал. Одет Ваня был в советскую военную форму. По вечерам мы просили его спеть: уж очень у него был приятный, красивый, сильный голос. За песни с ним делились хлебом, салом и другим все, кому приносили передачу. Но петь песни в лагере фашисты запрещали – как днём, так и ночью. Ваня нам отвечал так: «Если вы не выдадите меня, тогда я вам спою». Мы его заверяли, что не выдадим, и он пел для нас старинные русские песни, песни политзаключённых и каторжан. Пел и весёлые песни. Многие, слушая его пение, плакали. В дверь сердито стучали фашисты, а Ваня всё пел. Тогда они врвались с палками в руках в камеру и спрашивали: «Кто пел песни?» Все молчали. Фашисты начинали бить палками тех, кто им попадал под руку, и снова спрашивали: «Кто пел песни?» Не добившись ответа, фашисты избивали заключённых и выходили вон. Немного погодя, Ваня опять принимался петь. После нового сердитого стука в дверь в камеру врвалось уже не два фашиста, а четверо или пятеро, и все с дубинами. Избивали заключённых долго. Доставалось всем. И снова уходили ни с чем – Ваню мы не выдавали. Послушавшись совета стариков, Ваня тем вечером больше не пел: а то, чего доброго, в третий раз эти ироды применят уже не палки, а оружие. А назавтра, как только смеркалось, всё повторялось снова. В Опочецком лагере я встретил родного дядю Нинки Денисенко, жителя деревни Люцково. Его бросили в концлагерь вместе с женою Валею. Фамилии его я не помню, а прозвище его было Ванька Кисель (Иван Фёдорович Макаров, 1916 г.р., жена – Валентина Осиповна Макарова, родом из деревни Могалово Красногородского района. Это я выяснил позднее). Я ему сказал о том, что его племянница – Денисенко – посадила меня в концлагерь, но о подробностях не распространялся. А он мне сообщил, что по вине этой же племянницы Нинки в концлагере оказались он сам и его и жена, и всячески Нинку проклинал. В Опочецком концлагере я пробыл примерно дней 10—14. Затем меня вместе с другими земляками отправили в концлагерь Моглино, что был в 10 километрах за Псковом. А певец Ваня Поздняков остался в Опочке, и дальнейшая судьба его мне не известна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.